

СТРАННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

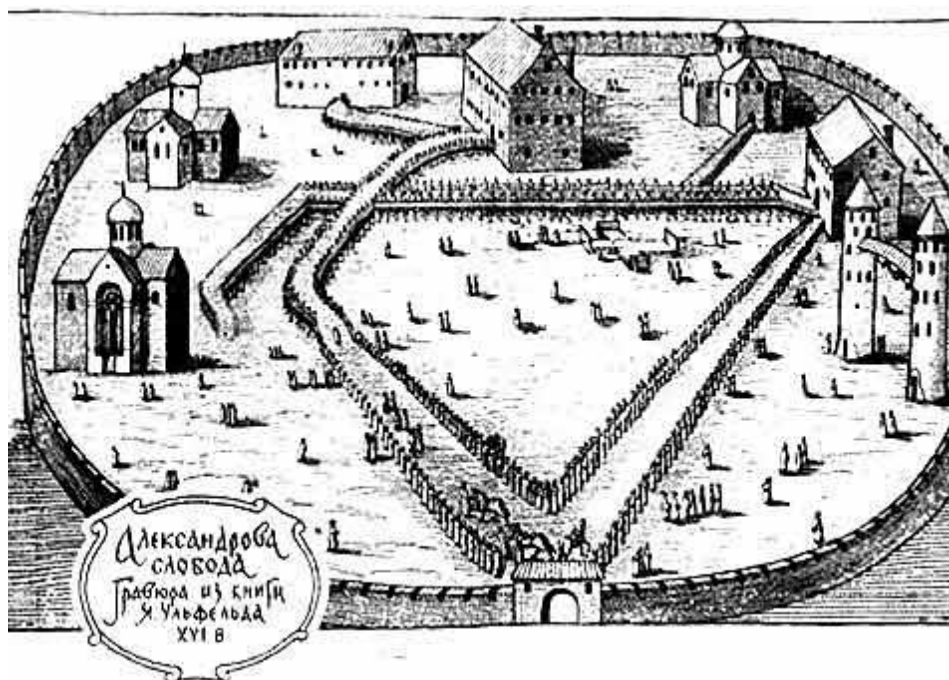
Василий Осипович Ключевский более ста лет тому назад написал об опричнине: *“Учреждение это всегда казалось странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал”*. За последние сто лет ситуация в науке мало изменилась. Степан Борисович Веселовский писал по поводу изучения эпохи Грозного: *“Созревание исторической науки подвигается так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени”*.

Чтобы понять, что такое опричнина, для чего ее создавал герой нашего повествования, каковы были ее результаты, имела ли она какой-нибудь смысл, и если имела, то какой, нужно сначала познакомиться с основными фактами, с канвой событий.

Итак, 3 декабря 1564 года царь отправился на богомолье. Что ж, дело для государя обычное. Царские “объезды” монастырей были одновременно и исполнением религиозного долга, и инспекционными поездками. Но этот выезд был совершенно необычен. “Подъем” царя *“не тако был, якоже прежде того езживал”*, - сообщает официальная летопись. Боярам и “дворяном ближним”, которым государь велел ехать с собою, было приказано взять жен и детей. Сопровождали царя и дворяне из всех городов, которых он “прибрал” быть с собою. Те должны были взять слуг, запасных коней и весь “служебный наряд”, то есть вооружение, доспехи, припасы. Повез царь на богомолье и все драгоценности, золотую и серебряную посуду, иконы и кресты, всю одежду, деньги, казну. Казна же была хранилищем не только чисто материальных ценностей, но и государственного архива.

Только царь добрался до Коломенского, как пришлось остановиться: внезапно настала удивительная для декабря оттепель, а с ней - распутица. Только через две недели царский “поезд” снова двинулся в путь. К 21

декабря Иван IV с приближенными приехали в Троице-Сергиев монастырь. Вроде поездка проходила стандартно: царь помолился, отпраздновал память святого Петра-митрополита, а затем двинулся дальше, в старое великокняжеское охотничье село Александрову слободу (ныне город Александров Владимирской области). Там любил “тешиться” охотой еще его отец - Василий III, не раз туда наезжал и царь. Последний раз он побывал в Слободе (так часто называли это село) всего полгода тому назад. Сейчас электричка идет до Александрова часа два, царь Иван добирался туда почти месяц.

3 января 1565 года из Слободы в Москву приехал гонец и привез две грамоты. Обе были оглашены перед всем народом. Первая содержала список “измен” бояр и дворян. Иногда говорят, что речь в ней шла только о боярах. Это не так. Царь Иван не забыл ни одной категории класса феодалов, начиная от церковных иерархов и кончая рядовыми дворянами. Он “гнев свой положил” на всех - “на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на околничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских * и на всех приказных людей **”.

* Дети боярские - рядовые служилые люди, дворяне.

** Приказные люди - те, кто выполняют постоянные поручения (“приказы”) государя.

В грамоте содержался страстный и тенденциозный обзор злодеяний бояр, воевод и приказных людей, которые не только “топили” царскую казну, но и “измены делали”, не желали воевать против недругов. Когда же царь хотел кого-нибудь из них “въ их винах понаказати”, то духовенство в стачке с боярами и дворянами начинало их покрывать. Потому государь “от

великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал где вселится, иде же его, государя, бог наставит”, то есть уехал от изменников куда глаза глядят.

Вторая грамота была адресована *“всему православному крестиянству града Москвы”*, то есть всему посадскому населению столицы. Эта грамота изложена в летописи куда менее подробно, но главный ее смысл передан отчетливо: царь пишет посадским людям, *“чтобы они себе некоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет”*.

Это был потрясающе точно рассчитанный политический маневр.

В самом деле, представим себе московского посадского человека, который по сравнению с любым подьячим считался человеком второго сорта. В феодальном государстве он был сословно неравноправным человеком. Вместе с тем, как и все люди средневековья, он верил в *“батюшку-царя”*, в *“надежу-государя”*. Вдруг он узнаёт, что как раз те, перед кем он только что должен был ломать шапку, все эти бояре, дети боярские, дьяки, все они прогневали государя до такой степени, что тот должен уйти, оставить государство. А он, *“посадский мужик”* - и есть главная опора трона, на него нет ни гнева, ни опалы. Но как быть государству без государя, царству - без царя?

Ведь государство тем и государство, что государь во главе. *“Ныне х кому прибежем и кто нас помилует и кто нас избавить от нахождения иноплеменных?”* - говорили, по утверждению официальной летописи, на площади. Народ единодушно потребовал от бояр упросить государя вернуться, *“а хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят”*. Так царь Иван обзавелся согласием народных масс на террор.

Делегация из духовенства и бояр отправилась в Александрову слободу. Прибывших под стражей, как вражеских лазутчиков, привели пред светлые царские очи. Царь повторил свои обвинения и после некоторого времени размышлений милостиво согласился вернуться на государство, но на следующих условиях: изменников казнить по своему усмотрению и учредить опричнину.

Термин *“опричнина”* был известен задолго до Ивана Грозного. Происходит он от слова *“опричь”* - кроме. Эта этимология дала Курбскому повод для мрачноватого, но удачного каламбура. Опричников он называл *кромешниками*; в аду же, как считалось, господствовала *“тьма кромешная”*. Так опричники становились под пером Курбского адовым воинством.

В Древней Руси опричниной называли ту часть княжества, которую после смерти князя выделяли его вдове, *“опричь”* всех уделов. Эта вдовья

опричина после смерти княгини заново делилась между сыновьями. Вдовья часть, таким образом, выделялась “опричь” всего княжества. “Опричь” всей земли выделялась и территория царской опричины.

А была она значительной. Прежде всего в нее вошли уезды, близкие к границе с Великим княжеством Литовским, густо населенные помещиками, выходцами из центральных уездов: Вяземский, Козельский, Белевский, Лихвинский, Малоярославецкий, Медынский, частично Перемышльский и т.д. В центре опричными стали Суздальский и Можайский уезды. Опричными были и земли Аргуновской волости вокруг Александровой слободы (она входила в Переславль-Залесский уезд). Отдельные волости были отписаны в опричину и в других местах, в том числе и неподалеку от Москвы: Гжель, Олешня и Хотунь на Лопасне (на границе с Дмитровским и Коломенским уездами), Гусевская волость Владимирского уезда, Домодедовская волость на реке Пахре, наконец - окрестности озера Селигер, где ловили рыбу для царского стола. Финансовую базу опричины должны были составить платящие большие налоги северные земли: Поморье, Двинской край, Вологодский уезд.

Была отписана в опричину и часть самой Москвы. Никитская улица (нынешняя улица Герцена) служила границей: левая ее сторона (если идти от Кремля) была опричной, правая - земской. С другой стороны опричная слобода доходила до берега Москвы-реки, вне ее были оставлены только слободы нескольких монастырей. От Кремля опричную часть города отделяла река Неглинная (ныне течет в трубе под Александровским садом). Таким образом, в опричную часть Москвы входили районы нынешних Арбата, улицы Фрунзе (Знаменки), проспекта Калинина (Воздвиженки), Кропоткинской улицы (Чертольская, впоследствии Пречистенка). Здесь были поселены опричники, земских же полностью выселили. Не исключено, что именно с тех пор этот район Москвы стал традиционным местом расселения русского дворянства, *“сен-жерменским предместьем Москвы”*, как писал выросший здесь П.А. Кропоткин.

Кроме того, в Москве в опричину попали три стрельецкие слободы в районе Воронцова поля (ныне улица Обуха). Видимо, расквартированные там стрельцы вошли в опричное войско. В это особое войско, которое царь “учинил” в опричнине, вошло “1000 голов” дворян и князей. Впоследствии его численность увеличилась в 5 - 6 раз.

На расходы по созданию опричины (*“за подъем же свой”*) царь взял с земщины 100 тысяч рублей. Чтобы представить себе, что означала в XVI веке эта сумма, можно вспомнить, что село с несколькими деревнями продавали за 100 - 200 рублей. Вклада в монастырь в 50 рублей было достаточно, чтобы вкладчика и его родных поминали ежедневно до тех пор, пока *“бог велит сей святой обители стояти”*. За 5 - 6 рублей можно было купить шубу на

куньем меху. Годовой оклад денежного жалованья служившего при дворе человека невысокого ранга равнялся 5 - 10 рублям, а 400 рублей - это был самый высокий боярский оклад. Таким образом, 100 тысяч рублей составляли гигантскую по тем временам сумму. Естественно, платили деньги крестьяне и посадские люди; эти средства буквально выколачивали из них.

По указу об опричнине предполагалось, что из взятых в опричнину уездов будут высланы те служилые люди, *“которым не быти в опричнине”*; они должны были получить взамен вотчины и поместья в земских уездах. Опричникам же собирались раздать поместья в опричных уездах. Такова та информация, которую сообщает нам официальная летопись, излагая указ об опричнине. Подлинный же текст этого важного источника, к сожалению, до нас не дошел.

Но есть и другие сообщения, идущие от иностранцев, живших в те годы в России. Мы узнаем, что опричники приносили особую присягу на верность царю, в которой обязывались не вступать в общение с земскими, даже с родственниками. В Александровой слободе, которая стала главной опричной резиденцией царя, создалось своего рода монашеское братство во главе с царем в качестве игумена - настоятеля. Все носили одинаковые, похожие на монашеские черные одежды со знаками принадлежности к своеобразному *“ордену”* опричников: метлой, чтобы выметать измену, и собачьей головой, чтобы ее выгрызть. Как и в монастыре, здесь была общая трапеза, совмещавшаяся с богослужением. Общая трапеза - не только застолье; в средневековом представлении - это символ некоторого, пусть и показного, но равенства. Недаром крестьянские общины ежегодно устраивали общие пиры, которые называли *“братчинами”*. Монастырско-опричные трапезы должны были словно напоминать о далеких временах, когда князья пировали со своими дружинниками.

Гравировка по металлу - на поддоне подсвечника XVIII века. Опричник на коне с метлой и песьей головой.

Но опричные пиры были далеки от идеального монашеского аскетизма (впрочем, не так уж часто посещавшего и настоящие монастыри). Описавшие опричный “монастырь” служившие в опричнине ливонские дворяне Иоганн Таубе и Элерт Крузе сообщают: *“...каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда”*. Попойки сменялись долгими и изнурительными богослужениями, подчас ночными. Таубе и Крузе рассказывают, что время, которое царь Иван проводил за церковной службой, вовсе не было потрачено даром: *“Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви”*.

Между пиром и церковной службой царь ходил в застенки. *“И есть свидетельство, - пишут те же авторы, - что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов”*.

По-разному говорили о том, по чьему совету царь создал опричнину. Поминали в этой связи второй брак царя. После смерти Анастасии Иван женился на дочери кабардинского князя Темрюка Айдаровича Кученей, которая, крестившись, стала Марией Темрюковной. Вместе с ней приехал на Русь ее брат Салнук-мурза, после крещения - князь Михайло Темрюкович Черкасский. Некоторые иностранцы писали, что именно Мария Темрюковна подала царю совет держать возле себя отряд верных телохранителей.

Но есть и другие известия. Так, Пискаревский летописец (о нем см. выше) утверждает, что царь *“учиниша”* опричнину *“по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова”*. В.М. Юрьев и Алексей Данилович Басманов были боярами, да и происходили из старых боярских родов, их предки служили еще первым московским князьям.

Насколько можно доверять этим сообщениям? Вряд ли царь Иван так уж нуждался в чьих бы то ни было советах, чтобы начать политику репрессий и террора. Вероятно, в этих слухах (а рассказы современников передают именно слухи) отразилось подсознательное стремление перенести вину за зверские казни и убийства с монарха на его дурных приближенных, к тому же чужеземцев. Стремление неистребимое, коренящееся в монархической психологии. Спрашивается; разве иностранцы тоже поддавались гипнозу обаяния русского монарха? Нет, но они, в частности Генрих Штаден, рассказывающий о совете царицы Марии, передают лишь то, что слышали от русских людей.

Вместе с тем в этих рассказах есть общее рациональное зерно.

Василий Михайлович Юрьев приходился двоюродным братом царице Анастасии. В дальнем свойстве с ней был и Алексей Басманов: его сын Федор был женат на родной племяннице покойной царицы. В свою очередь Михайло Темрюкович, брат Марии, был зятем В.М. Юрьева. Вероятно, зная о том, как царь любил первую жену, он решил этим браком обезопасить себя от враждебности со стороны влиятельного клана родственников Анастасии.

Таким образом, в обоих рассказах речь идет об одной и той же группе - родичах двух первых жен царя. Вне зависимости от того, насколько реальны сведения о советах этих людей, они несомненно стояли во главе опричнины при ее учреждении. Недаром падение Избранной рады, как отмечалось выше, было во многом связано с враждебными отношениями Сильвестра и Адашева с Захарьиными.

Когда царь Иван вернулся в Москву из Слободы, то, по сообщению Таубе и Крузе, он неузнаваемо изменился за полтора-два месяца отсутствия: *“...у него не сохранилось совершенно волос на голове и в бороде, которых сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа”*. Дело было, вероятно, не в злобе, а в том, что, затеявая фарс с отказом от престола, царь Иван волновался: а вдруг отречение будет принято? А вдруг из его затеи ничего не выйдет? Он шел ва-банк, а шансы на выигрыш хотя были и велики, но не стопроцентны. Вероятно, Таубе и Крузе несколько преувеличили: вряд ли выпали все волосы, без остатка. Но вообще-то, как заметил переводчик и издатель сочинения Таубе и Крузе М.Г. Рогинский со ссылкой на учебник кожных болезней, науке известны случаи временного выпадения волос из-за острых душевных переживаний.